

ТЕРРИТОРИЯ РАССЕЛЕНИЯ И ЭТНОНИМЫ ВЕПСОВ В XIX – XX вв.

Территория расселения. В настоящее время вепсы расселены тремя основными группами на территории Межозерья – между Ладожским, Онежским и Белым озерами. Одна группа северных (или прионежских) вепсов живет на юго-западном побережье Онежского озера, при устьях впадающих в него небольших рек, вторая – в верховьях южных притоков Свири и в северном Белозерье, третья – в верховьях р. Лидь.

В прошлом вепсский ареал был значительно обширнее. Древняя весь сформировалась, как позволяют считать археологические и лингвистические материалы, на территории южного Приладожья. Позже, в I тысячелетии н.э. вследствие продвижения на Север славян весь была оттеснена в восточном направлении (Седов, 1997; Itkonen T. I., 1983).

Для реконструкции древнего вепсского ареала немалую роль играют топонимические данные, которые нами рассматриваются подробнее.

Один из ранних этапов формирования вепсской территории можно установить по ареалу наименований поселений с суффиксом -L (Rahkoil, Mul'jeil, Naragal, Karhil, Reõoil и т.д.), которые достаточно последовательно передаются на русский язык в Присвирье и Обонежье названиями, оформленными суффиксом -ичи/-ицы (Рахковичи, Мульевичи, Харагиничи, Каргиничи, Печеницы и т.д.). Эта топонимическая модель с общими прибалтийско-финскими истоками проявляется уже в самом раннем из известных документов, касающихся территории юго-восточного Приладожья – в приписке к Уставу Ярослава “О мостех” XIII в. При этом, видимо, уже к XIV в. L-модель утрачивает продуктивность в означенном вепсском ареале (Муллерен, 1996). Для установления хронологии данного топонимического типа существенно также то обстоятельство, что его границы в значительной степени коррелируют с археологическим ареалом курганов юго-восточного Приладожья начала II тысячелетия. При этом совпадение ареалов происходит не только в юго-восточном Приладожье – на реках Ояты, Капше, Паше и в среднем Посвирье, но и в маргинальных ареалах: в северном Обонежье (Кайбиницы, Кургеницы, Койкиницы, Тайгиничи, Типиницы, Пижиничи), в Водлозерье (Рахкойла, Керкола, Кургила и др.) (Муллерен, 1996), а также в верховьях р. Лидь, где в последние годы обнаружены курганы приладожского типа (Башенькин, 1994).

Ареал названной модели свидетельствует о том, что на ранних этапах интересы вепсов были связаны с юго-восточным Приладожьем, а также водными путями, ведущими из Обонежья на север – в Беломорье и на северо-восток – по р. Водле за восточные пределы Обонежья, где определенное вепсское топонимическое наследие обнаруживается, в частности, в Кенозерье, в низовьях р. Онеги и районах, расположенных к западу от нее (Матвеев, 1979. С. 6–8).

Знаменательно в этой связи отсутствие L-овой топонимии вдоль водного пути из Онежского озера в Белое и в целом на Онежско-Белозерском водоразделе, за восточными пределами Присвирья. Это обстоятельство на фоне относительно хорошей сохранности в этом районе неприбалтийско-финской субстратной топонимии и лексики можно рассматривать как следствие в целом бо-

лее позднего вепсское освоение топонимия негион Белозеря неприбалтийские выходят на зает предположвало некое ме

Из тех арления, еще одтакже, видиможя в Беломописцовых книет, что вепсскне ранее XIVгеографическго озера, водоведения земле(Олонецкого)это согласуетждением былбеспорный влектах карелКарельское вПриладожьяС. 37). Следующов из Присвковско-ливвиивие, распростбее в ее низовличных потождожья, вниз северному прк Онежскомуощущаться ими. Именно ровного и полось в формиго водного пуется вепсский(Орфинский).

Экспансивила вепсов. колонизацияпобережья Сны, с верховского озера.рии в составго и Мегорснежем осуС. 128–129).

лее позднего проникновения вепсов в этот район, чем в Присвирье. При этом вепское освоение, очевидно, не носило здесь массового характера, и вепская топонимия не перекрыла предшествующий субстрат. Следует добавить, что регион Белозерья и Онежско-Белозерский водораздел насыщены гидронимами неприбалтийско-финского происхождения, причем ареалы этих гидронимов не выходят на запад, за пределы Свирско-Белозерского водораздела. Это разрешает предположить, что продвижению вепсов на восток, в Белозерье, препятствовало некое местное население, возможно, с верхневолжскими истоками.

Из тех ареалов, которые входят в территорию современного вепского расселения, еще один – это вепское Прионежье, ареал расселения северных вепсов – также, видимо, был освоен позже Присвирья и водных путей, ведущих из Обонежья в Беломорье и Заволочье. К такому выводу на основе анализа материалов писцовых книг Обонежской пятины XV–XVI вв. пришел В.В. Пименов: он считает, что вепское освоение юго-западного побережья Онежского озера началось не ранее XIV в. (Пименов, 1965). Видимо, это объясняется тем, что ландшафтно-географические особенности этой территории – скалистое побережье Онежского озера, водораздельные болота и малоплодородие почв – не благоприятны для ведения земледелия, в отличие от более западных районов Онежско-Ладожского (Олонецкого) перешейка, освоенных вепсами значительно раньше. В принципе это согласуется с отсутствием здесь ойконимии L-ового типа. Однако подтверждением былого вепского присутствия в западных районах перешейка служит бесспорный вепский субстрат в ливвиковском, и особенно в людиковском, диалектах карельского языка, распространенных сейчас на Олонецком перешейке. Карельское население, продвигавшееся на эту территорию из северо-западного Приладожья начиная с XIII столетия, постепенно поглотило вепсов (Бубрих, 1947. С. 37). Следует отметить, что особенно значительная роль в проникновении вепсов из Присвирья на север принадлежала р. Важинке: именно по ней идет людиковско-ливвиковская граница на южном участке. Карельское языковое воздействие, распространявшееся с верховьев р. Шуи на восток вниз по реке, заметно слабее в ее низовьях. Это происходит, видимо, потому, что здесь столкнулись два различных потока освоения территории. Первый поток шел из карельского Приладожья, вниз по Шуе к Онежскому озеру, а второй – из вепского Присвирья, по северному притоку Свири – Важинке и южному притоку Шуи – Святреке и затем к Онежскому озеру. Очевидно, на втором пути вепское воздействие продолжало ощущаться и после того, как началось освоение Олонецкого перешейка карелами. Именно вепская миграция и могла служить своего рода препятствием для ровного и поступательного карельского продвижения вниз по Шуе, что и отразилось в формировании людиковского языкового ареала. Существование описанного водного пути со Свири через Важинку и Святреку в бассейн Шуи подтверждается вепскими топонимическими моделями, сохраняющимися вдоль этого пути (Орфинский, Гришина, Муллонен, 1997).

Экспансия карел на восток, на территорию Олонецкого перешейка, заставила вепсов, отступавших из Присвирья на север под натиском древнерусской колонизации, двинуться на обойденную ими прежде территорию юго-западного побережья Онежского озера. Освоение Прионежья проходило, с одной стороны, с верховий р. Ивины, с другой – непосредственно вдоль побережья Онежского озера. На это косвенным образом указывает вхождение данной территории в состав двух средневековых погостов Обонежской пятины – Остречинского и Мегорского, связь административных центров которых с вепским Прионежьем осуществлялась по названным выше водным путям (Муллонен, 1994. С. 128–129).

Исторические судьбы вепсов определялись во многом тем, что древнерусская колонизация Севера в значительной степени проходила по водным путям, уже освоенным вепсами, и вслед за вепсами. Это закономерно вело к ассимиляции вепского населения, осевшего вдоль водных путей, и к вытеснению его на верховья рек и водоразделы. Есть определенные основания утверждать, что границы административных образований, складывавшиеся на ранних этапах древнерусской государственности, восходили к более ранним территориальным подразделениям местного вепского населения. Границы погостов Обонежской пятины, к примеру, во многих местах проходили по озерам и рекам, в названиях которых закрепились вепсские лексемы *piihä*. Последняя в прибалтийско-финской гидронимии выступала в значении 'ограда, граница' и закреплялась на рубеже тысячелетий в наименованиях пограничных водных объектов, отмечавших пределы родовой территории (Suvanto, 1972. S. 54; Муллонен, 1995). Видимо, и границы более крупных административных образований сохраняли традиции, сложившиеся в прибалтийско-финской, в нашем случае – в вепсской среде: вепсская территория довольно последовательно ложится в границы Обонежской пятины XV–XVI вв. Правда, к середине II тысячелетия значительная часть этого ареала (например, на западе пятины и вдоль основных водных путей) уже, видимо, подверглась значительному русскому, а в Приладжье – карельскому воздействию.

Таким образом, в ходе времени сложились три названные выше группы вепсов, каждая из которых имела определенные различия в традиционной культуре и говорила на особом диалекте.

В ходе последних ста лет шло довольно быстрое сокращение всех трех групп вепсов – сокращалась как их численность, так и территория расселения.

Данные различных письменных источников позволяют определить, что в конце XIX в. северновепсский ареал доходил еще до самой Свири. В Списке населенных мест от 1873 г. "чуждскими" названы расположенные на северном берегу Свири села Княжбор, Янनावолок, Пенгойручей, Нимпельду, т.е. участок от истока Свири до устья р. Ивины, а также села Остречины и Ивина в ее низовьях. Поселения верхнего течения Ивины, села Ладва и Таржеполь, были в 1870-е годы, по сведениям того же источника, русскими. Однако в прошлом, причем относительно недавнем, здесь несомненно жили вепсы, что подтверждается как особенностями здешних русских говоров, так и исключительно хорошо сохранившейся микротопонимией с вепскими истоками (Муллонен, 1989).

Катастрофическому разрушению подверглась восточная часть средневепсского ареала, т.е. территория, расположенная на Онежско-Белозерском водоразделе. Судя по письменным источникам конца XIX – середины XX в., здесь активно шло обрусение вепских поселений, коснувшееся деревень Ундозерской, Куштозерской, а еще ранее – Исаевской волостей (Йоалайд, 1989. С. 78). Есть сведения также о том, что в начале XX в. вепсская речь звучала и в нескольких поселениях, расположенных при впадении рек Колошмы и Ножемы в р. Суду (Верхний Конец, Керчаково, Нечаево, Морозово, Харино, Янишево, Киино, Нижний Конец) (Tunkelo, 1946. S. 8–9). В результате волюнтаристских действий властей в конце 1950-х годов было проведено массовое переселение жителей нескольких сельсоветов (Шимозерского, Пелкасковского, Торосозерского, Нажмозерского, Кривозерского) (см. гл. 5 "Этнодемографические процессы" в разделе "Вепсы" настоящего издания). К началу 1960-х годов в этом районе вепсов практически не осталось. Последних носителей вепского языка составителям "Словаря вепского языка" удалось застать в начале 1960-х годов только в д. Керчаково. В целом языковые данные говорят об относительно недавнем обрусении значительной части населения южного Обонежья. По свидетельству

М.Э. Рут, жителю по происхождению это в беседах. Д. родов» (Рут, 1995).

Оба названия – засвидетельствованы средневепскими источниками, отмечал, что на вепском языке (L. сколько более (Майнов, 1877). конце XIX в. ф. торые образцы стные жители э. ская, 1930. С. 10. льянен застал н. говора (Хямля).

В послевоенное время полагавшиеся в (Долгозеро, Са. свою очередь и ских поселений Шаппа).

Границы южного вепского ареала, но южнее. Известны образцы вепского языка в Ленинградской области.

Этнонимы вепсов встречаются в отсутствии (beplaitzed) известны у южных вепсов в речи Ояти. В свидетельстве (sad) своих южных вепсов и группа топонимов странения вепсов.

Следы этнонимов вепсов, а также в вепском языке (vepsä-vepsä) крепившейся в вепском языке не склонен св. пансией (Valon) русских и археологов. жение о карельском языке, в которых.

Прионежские вепсы называют себя вепсами (своей язык со вепским). Этого не произошло, странился, вид.

М.Э. Рут, жители Вытегорского района «хорошо ощущают наличие вепского по происхождению пласта лексики в своем говоре и постоянно подчеркивают это в беседах. Данный факт – явное свидетельство “неостывшего” контакта народов» (Рут, 1982. С. 21).

Оба названных процесса – исчезновение и обрусение вепских поселений – засвидетельствованы на протяжении последних ста лет и в западной части средневепского ареала. Элиас Лённрот, посетивший эти места в 1840-е годы, отмечал, что население одинаково свободно владеет как вепским, так и русским языком (*Lönnrotin...*, 1902. S. 221). Примерно такие же сведения для несколько более позднего времени мы находим у этнографа В.Н. Майнова (*Майнов*, 1877. С. 43) и фольклориста Е.В. Барсова (*Барсов*, 1894. С. 174). В конце XIX в. финляндским исследователям удается еще записать здесь некоторые образцы вепской речи (*Tunkelo*, 1946. S. 174). А уже в 1920-е годы местные жители за редким исключением говорили только по-русски (*Малиновская*, 1930. С. 166). В 1950-е годы исследователь вепского языка М.М. Хямяляйнен застал в с. Печеницы последнего носителя своеобразного вепского говора (*Хямяляйнен*, 1958).

В послевоенные годы опустевают многие небольшие вепские деревни, располагавшиеся в верховьях р. Капши (Нойдала, Чидово, Рябов Конец) и р. Ояти (Долгозеро, Сарозеро, Азмозеро и др.), на водоразделе рек Капши и Паши. В свою очередь и на Свирско-Оятском водоразделе активно шло обрусение вепских поселений (села Варбиничи, Мульевичи, Печеницы, Кукас, Руссконицы, Шапша).

Границы южновепского ареала еще в начале XX столетия шли значительно южнее. Известно, во всяком случае, что в 1916 г. Аугуст Алквист записывал образцы вепской речи в д. Пятино современного Бокситогорского района Ленинградской области, ныне считающейся русской (*Йоолайд*, 1989. С. 78).

Этнонимы вепсов. Особенности формирования вепсов и их расселения отражаются в отсутствии у них единого самоназвания. Этноним *вепсы* (*vepsläižed*, *bepslaižed*) известен лишь в части вепских говоров. Он распространен в основном у южных вепсов (в форме *bepslaane*) и у части средних вепсов на верхнем течении Ояти. В прошлом этот этноним имел явно более широкий ареал. Об этом свидетельствует, например, то, что паданские карелы называют вепсами (*vepsad*) своих южных соседей – карел-людиков. В пограничной зоне расселения карел-людиков и собственно-карел в северо-западном Обонежье сосредоточена и группа топонимов с основой *veps-/venc-*, что отмечает границу былого распространения вепсов в северо-западном Обонежье.

Следы этого этнонима обнаруживаются и в топонимии восточного Обонежья, а также в северо-западном Приладожье и в восточной Финляндии, где термин *vepsä-vencя* хорошо известен также в качестве антропонимной основы, закрепившейся в целом ряде финских фамилий. Финский этнограф Нийло Валонен склонен связывать распространение этнонима в этих местах с вепской экспансией (*Valonen*, 1980. S. 74), что, однако, не находит убедительных лингвистических и археологических подтверждений. В связи с этим интересно предположение о карельском-ливвиковском посредничестве в распространении названий, в которых выступает вариант *vepsu-* (*Grünthal*, 1997. S. 101).

Прионежские вепсы, а также часть приоятских вепсов (западные говоры) называют себя так же, как и карелы-людики, людиками (*lüdinik*, *lüdilaine*), а свой язык соответственно людиковским (ср.: *pağišta lüdikš* – ‘говорить по-вепски’). Этот этноним с явными русскими истоками (*Бубрих*, 1971) распространился, видимо, вдоль Свири и вытеснил здесь самоназвание *вепсы* (*vep-*

slaine), сохранившееся на окраинах прежнего ареала – на территории, удаленной от Свири.

Активное функционирование этнонимов характерно для зон межэтнического контактирования. Там же, где контакты были ограничены, этнонимическая система не получила особого развития. Эта закономерность особенно наглядно проявляется в восточновепском ареале, в глухом углу Онежско-Белозерского водораздела, где у вепсов никакого особого самоназвания нет. Они называют себя и соплеменников просто *tähine, tägalaine* ‘здесьний’, а его язык характеризуют словами *meide kartte pagizeb* – ‘по нашему говорит’, *tõu kel’us pagizeb* – ‘на этом языке говорит’ (*Setälä*, 1917. S. 941–942)*.

На южной границе вепского ареала в качестве самоназвания бытует этноним *чухарь* (*čuhar’,* мн. ч. *čuharid*), воспринятый из смежных русских говоров. Этноним *чухарь* проник на восток из Новгородской земли, очевидно, по южным окраинам вепской территории вдоль того пути новгородской колонизации, который шел из Приильменя в Белозерье.

Термин *чухарь* известен и на других вепских территориях, однако не в качестве самоназвания, а как пренебрежительное прозвище в среде русских соседей. Русские соседи называли вепсов также *кайванами* и *чудью* (*Пименов, Строгальщикова*, 1989. С. 7; СРГК, 1996). Последний этноним широко использовался в XIX – начале XX в. в научной и справочной литературе о вепсах. Лишь в 1920–1930-е годы, в период национально-государственного и языкового строительства, в литературе, а также в сознании носителей вепского языка постепенно утвердилось единое название народности *вепсы* (*Пименов, Строгальщикова*, 1989. С. 7).

Традиционно считается, что в исторических источниках вепсы известны и как *чудь*, и как *весь*. Функционирование двух терминов связано, очевидно, с тем, что западная часть вепской территории тяготела к Приладожью (*чудь*), в то время как восточная – к Белозерью (*весь*), и вследствие этого народ различно назывался их соседями с запада и востока (*Бубрих*, 1947). В действительности это, видимо, слишком упрощенное представление, и литература, освещающая проблему древних этнонимов, полна противоречивых, взаимоисключающих представлений.

В древнерусских документах *весь* устойчиво связывается с Белым озером. Видимо, вследствие того, что в период зарождения Древнерусского государства Белозерский ареал играл благодаря волжской торговле более важную роль, чем Приладожье, в документах упоминается именно белозерская *весь* (*Бубрих*, 1947; *Itkonen T.I.*, 1971).

Несмотря на то что в литературе традиционно признается связь между древнерусским этнонимом *весь* и прибалтийско-финским термином *vepsä*, для языковедов это далеко не очевидно. Крупнейший специалист в области исторической фонетики прибалтийско-финских языков Э.Н. Сетяля считал эту связь фонетически не обоснованной (*Setälä*, 1917. S. 505). Проблематичность тождества *весь-вепсы*, выражается и в том, что филологически неясно, какой вариант первичен: восходит ли рус. *весь* к прибалтийско-фин. *vepsä* (SKES) или, наоборот, прибалтийско-фин. *vepsä* к рус. *весь* (*Богданов*, 1958. С. 63). Не помогает в разрешении проблемы на сегодняшний день и этимология, не существует сколько-нибудь надежной этимологической интерпретации этнонима. Среди иссле-

* По данным СВЯ, этноним *vepslaine* известен в Пондале, однако на фоне отсутствия его в других населенных пунктах этого ареала запись из Пондалы выглядит поздней, вторичной, связанной с официальным употреблением этнонима “вепсы”.

дователей достаточной “клины” (фин. *vaaja*) финских и саамских разных родовых зв. *Валонен*, 1982. С. 101 и достаточно

Чрезвычайно мике, поскольку в исторической Водски др.), скрывается д. Иными, неоними мента *весь* в белоз. Луковесь и др.

Упоминания о Wizzi, visunnu) и зерской *весью* в С. 467; *Макаров*. 1. чительно восточн. промысловое реше движение белозер

Приведенные суммированию. К мире узкое распр этом считается, ч них контактов с н ним представле димо учесть, что Белозерью. При ные, неприбалти в прибалтийско- турным воздейст ных срезах вепс вопрос об этнич рые приводили е мой, возможно. Не исключено, ч ную топонимию

Не менее зап го, что за летоп ребление этнони ми идентифицир ников XIII–XIV кой сторон, в бо очевидна; наряду же к древнему на ско-финском пр ско-финских яз

Спорна и эт ставляется мысл рию Верхней Ру те контактов с

дователей достаточно широкое признание получила так называемая “теория клина” (фин. *vaaja-teoria*), которая исходит из того, что в ряде прибалтийско-финских и саамских этнонимов отражается лексема, обозначающая клинообразный родовой знак (*vepsa* < саам. *vuowje* ‘плавник рыбы’) (SKES; также ср.: *Валонен*, 1982. С. 74–82). Однако в последние годы она подвергается серьезной и достаточно обоснованной критике (*Koivulehto*, 1997; *Grünthal*, 1997).

Чрезвычайно сложна также проблема отражения этнонима *весь* в топонимике, поскольку в целом ряде случаев, особенно относящихся к территории исторической Водской пятины (ср. топонимы Сорольская весь, Меглинская весь и др.), скрывается древнерусская лексема *весь* – ‘деревня’ (*Попов*, 1973. С. 81–82). Иными, неонимическими, могут быть по мнению исследователей истоки элемента *весь* в белозерских топонимах типа Череповесь, Мадовесь, Арбужевесь, Луковесь и др.

Упоминания о веси известны также в западноевропейских (*Vasinabronkas*, *Wizzi*, *visunnus*) и арабских (вису, ису) источниках, хотя связь последних с белозерской весью в последние десятилетия подвергается сомнению (*Lytkin*, 1970. С. 467; *Макаров*, 1990. С. 131). Речь идет скорее о населении, проживавшем значительно восточнее, в верховьях Камы и Северной Двины. Предлагается и компромиссное решение, исходящее из того, что арабские источники отразили продвижение белозерской веси на восток (*Grünthal*, 1997. S. 107).

Приведенные выше противоречивые представления трудно поддаются суммированию. Во-первых, этноним *vepsä* имеет в прибалтийско-финском мире узкое распространение и известен только в карельском и финском. При этом считается, что он проник в эти языки в результате относительно поздних контактов с вепсами. Во-вторых, следует принять во внимание, что этноним представлен в основном на востоке вепсского ареала. Наконец, необходимо учесть, что в письменных источниках *весь* устойчиво привязывается к Белозерью. Принимая все это во внимание, резонно предполагать восточные, неприбалтийско-финские корни этого этнонима, распространившегося в прибалтийско-финской языковой среде вместе с тем восточным этнокультурным воздействием, которое исследователи склонны усматривать на разных срезах вепсской культуры. Это в свою очередь дает основание ставить вопрос об этнических корнях белозерской веси древних источников, которые приводили ее в одном ряду с верхневолжскими племенами мерей и муромой, возможно, не только из-за географической, но и этнической близости. Не исключено, что *весь* – это особый этнос, оставивший во многом загадочную топонимию, которой изобилует Белозерье.

Не менее запутаны и судьбы исторической *чуди*. Аргументами в пользу того, что за летописной чудью скрываются вепсы, является официальное употребление этнонима применительно к вепсам в России, а также то, что вепсы сами идентифицируют себя с чудью. Немаловажно, что в ряде письменных источников XIII–XIV вв. применительно к вепсам использован этноним *чудь*. С другой сторон, в более ранних документах связь между чудью и вепсами не столь очевидна; наряду с этим термин *чудь* употреблялся и к эстонцам, и к води, а также к древнему населению Верхней Руси, говорившему на восточном прибалтийско-финском прадиалекте, отразившемся в целом ряде позднейших прибалтийско-финских языков.

Спорна и этимология этнонима *чудь*. Наиболее продуктивной нам представляется мысль Д.В. Бубриха о том, что этноним был принесен на территорию Верхней Руси славянами. Последние усвоили его в древности в результате контактов с германцами (древнеслав. **tjudjь* ‘чужой народ’), а затем, при

продвижении в Приильменье и на Волхов, стали использовать его применительно к тамошнему местному прибалтийско-финскому населению (Бубрих, 1947. С. 22–26). По мере древнерусского освоения Севера ареал употребления этнонима расширялся. Из русского языка этноним, видимо, вошел и в саамский, и в коми языки. Некоторые фонетические сложности, возникающие в связи с последним утверждением, в принципе преодолимы, если предположить, что термин мог распространяться в качестве своеобразного “бродячего” слова, проникающего из языка в язык вместе с фольклорными сюжетами (Grünthal, 1997. S. 169), что как раз свойственно для саамского *suhti* ~ *šurre* ‘чужь, враг’ и зырянского *t'šud* ‘древний народ, обитавший некогда на зырянской территории’.

ЯЗ
Вепский язык финно-угорского ижорского

Вепский язык принадлежит к группе карельско-ливонских языков. Он распространён в Карелии (в районах Прионежский, Сортавальский, Вепский, Кемский, Костомукшский, Лахденпохский, Лопский, Олонецкий, Пудожский, Рованиемский, Суоярвский, Тольвицкий, Уусикарвский, Уусиярвский, Хельсинки, Яльвикский) и в Ленинградской области (в районах Гдовский, Гребенский, Кингисеппский, Кудьинский, Лужский, Мухоморский, Палладинский, Пеновский, Сясьский, Тосненский, Шлиссельбургский, Шкотовский, Ямбургский).

Ряд закономерностей определяется принадлежностью к семье. Так, фонетические особенности ряда *e* и *i*, гласные *ä* и *ö*, в вепском языке, действительные могут встречаться в сочетании с гласными *e* и *i* – например, *ei* – ‘действует’ (например, *ei* – ‘спросить’ и т.д.), *hüivä* – ‘хороший’, *šivvyi* – ‘сивый’ и т.д.).

По сравнению с другими языками системы дифтонгов (например, *maia* – ‘май’). Следует отметить, что вследствие вокализации *o* в *uo* *pelto* – ‘поле’ и т.д.).

В вепском языке в виде полудолгих гласных (например, *ai* – ‘аэлект’), функционирующая в качестве носителя (достаточно распространены дифтонги *ai*, *ei*, *oi*, *ui*, *äi*, *öi*, *ai* и т.д.).

Количество гласных в русском языке. В вепском языке согласные в начале слова (например, *ai* – ‘аэлект’), гласных в начале слова (например, *ai* – ‘аэлект’), гласных в начале слова (например, *ai* – ‘аэлект’).

ед. числа презен